

Азбука
PREMIUM
РУССКАЯ ПРОЗА

К Н И Г И

Аркадия и Георгия Вайнеров

в серии

«Азбука Premium. Русская проза»:

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ ВАЙНЕРЫ

Лекарство против страха

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 14

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-20176-7

© А. А. Вайнер, Г. А. Вайнер
(наследники), 1976, 1978
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Лекарство против страха

Роман

Светлой памяти отца нашего посвящаем

— Меня зовут Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гюгенгейм.

— У вас красивое имя, — сказал он.

— Да. Но чаще меня называют Парацельсом. И я считаю это правильным, потому что в искусстве врачевания я уже давно превзошел великого латинянина Цельса.

— От каких болезней вы исцеляете? — спросил он, и в его прищуренных серо-зеленых глазах не было недоверия — хамского сомнения невежд, а светилось лишь искреннее любопытство.

— Я освобождаю от мук, ниспосланных человеку: водянки, проказы, лихорадки, подагры, от тяжких ран и болезни сердца...

— У вас есть помощники?

— Разум мой и опыт да сердце, скорбящее о страждущих в мире сем.

— Вы одиноки?

Я засмеялся:

— У меня нет детей, нет жены и друзей не осталось. Но разве все люди не со мной? Разве благодарность пациентов не согревает мне сердце? Разве ненависть завистников — лекарей ничтожных и корыстных аптекарей — не угнетает мою память? И сотни учеников разве не связали меня с тысячами неведомых людей благодатью моего учения?

— Вы богаты?

Я показал ему на стопку рукописей:

— Вот все мое богатство. Да старый конь на конюшне. И меч ржавый в ножнах. А сам я живу здесь в немощи, и кормит меня из дружбы и милости последний мой товарищ и ученик — цирюльник Андре Вендль.

— Но говорят, будто вы можете простой металл превратить в золото? Почему вы не обеспечите себя и не облагодетельствуете единственного своего друга Вендля?

— Я, Парацельс, — великий маг и алхимик, и при желании достопочтенный господин может легко разыскать людей, которые собственными глазами видели, как я вынимал из плазменной печи чистое золото. Но Господь сподобил меня великому знанию врачебной химии, и когда я получил в своем тигле лекарства, которые исцелили обреченных на смерть людей, я понял, что это знамение, ибо щепоть моего лекарства могла дать человеку больше, чем все золото мира. И тогда я дал обет не осквернять потной жадностью святой очаг мудрости и милосердия.

— А как вы сюда попали?

— Я вышел из своего дома на Платцле, перешел по подвесному мосту через Зальцах, дошел до Кайгассе и потерял на улице сознание. Очнулся я уже здесь, в гостинице «У белого коня»...

— Как вы себя чувствуете?

— Мой разум, чувства и душа совершенно бодры. Но у меня нет сил двигаться. Энтелехия — тайная жизненная сила, открытая и утвержденная мной, — неслышно покидает мое тело.

Вошел служитель, поставил на стол кружку сквашенного молока и печенье.

— Почему вы не принесли еды для моего гостя? — строго спросил я служителя, но гость торопливо сказал:

— Благодарю вас, не беспокойтесь, я недавно обедал. Да мне уже и собираться пора. Приятного аппетита, а я пойду, пожалуй.

— Счастливого вам пути. А как вас зовут?

— Станислав Тихонов.

— Приходите еще, нам найдется о чем поговорить.

— Спасибо. Могу я спросить, над чем вы работали последнее время?

Сначала мне не хотелось говорить. Но он не мог быть шпионом, у него лицо честного человека, любопытные, немного грустные глаза. И я сказал ему:

— Я создал лекарство против страха...

ГЛАВА 1

Тень и свет

«Стенограмма объяснения
участкового инспектора
капитана милиции *А. Ф. Позднякова*
в инспекции по личному составу
Главного управления внутренних дел Москвы

...Вопрос. Когда вы пришли в себя?

Ответ. В воскресенье утром.

Вопрос. Где именно?

Ответ. В медвытрезвителе № 3.

Вопрос. Сотрудникам медвытрезвителя сразу сообщили, кто вы такой?

Ответ. Нет, я назвал себя и место работы после того, как выяснилось, что у меня пропали пистолет и служебное удостоверение.

Вопрос. Почему?

Ответ. Не знаю, я плохо соображал, у меня сильно болела голова.

Вопрос. Могли вы потерять пистолет и служебное удостоверение по пути от стадиона до сквера, где вас подобрал в нетрезвом виде экипаж патрульной машины?

Ответ. Нет, нет, нет! Я не был в нетрезвом состоянии!

Вопрос. Вот заключение врача: «Сильная стадия опьянения с потерей ориентации во времени и пространстве...» Вы полагаете, что врач мог ошибиться?

Ответ. Не знаю! Пьяным я не был!

Вопрос. Хорошо, расскажите снова, как вы попали на стадион.

Ответ. В пятницу был финал Кубка, играли «Спартак» и «Торпедо». Я очень люблю футбол и хожу на все интересные матчи, а тут всю неделю дел было невпроворот, и я не успел купить билет. Надеялся достать около стадиона. Походил у касс, вижу — билетов совсем нет, а желающих толпы. Тут подходит ко мне какой-то гражданин и говорит: «Слушайте, у меня есть лишний билет, но я просто боюсь достать его из кармана: эти фанатики меня на части разнимут. Идите со мной, я вам у входа оторву билет, а деньги вы мне потом отдадите». Ладно, договорились. Оторвал он билет, объяснил, что товарищ не смог прийти; отдал я ему рубль. А жара стояла — больше тридцати градусов. Минут за пять до перерыва между таймами он мне говорит: «Посмотрите, пожалуйста, за моим местом, чтобы никто не сел, а я сбегая в буфет — пивца хлебнуть» Скоро он вернулся и принес мне бутылку пива и бутерброд с колбасой. Я его, конечно, поблагодарил, а он мне отвечает, что есть латинская поговорка — не могу вспомнить, как это он сказал, — и перевел: кто, мол, дал однажды, тот даст и дважды. Выпил я бутылку пива, поговорили мы маленько про футбол. И чувствую я, что совсем у меня жажда не прошла, а даже еще сильнее пить захотелось. Жарко невыносимо, голова начала кружиться, все перед глазами зелено и круги плывут. Хочу соседу сказать, что сомлел я на жаре, и голоса своего не слышу. Все заплясало в голове, и больше ничего не помню...

Вопрос. Пивная бутылка была закупорена или открыта?

Ответ. Не помню.

Вопрос. Открывали вы бутылку или нет?

Ответ. Не помню, не могу сейчас сказать.

Вопрос. Доводилось вам когда-нибудь ранее встречать этого человека?

Ответ. Нет, никогда.

Вопрос. Запомнили вы его?

Ответ. Плохо. Лет ему на вид около тридцати пяти.

Вопрос. Сможете отработать его портрет на фотороботе?

Ответ. Попробую, хотя не уверен. У меня до сих пор голова кружится.

Вопрос. В случае встречи с этим человеком беретесь ли вы с уверенностью опознать его?

Ответ. Думаю, что смогу.

Вопрос. Есть у вас какое-либо объяснение случившемуся?

Ответ. Нет, никак не могу я этого объяснить.

Вопрос. Вы понимаете, что если все в действительности было так, как вы рассказываете, значит вас хотели отравить?

Ответ. Не знаю, хотел ли он меня отравить, но я ведь всю правду рассказываю! Дочерью своей клянусь...»

...Я положил на стол стенограмму, а Шарапов поднял палец:

— Вот именно — отравить хотели! Почему?

Я пожал плечами:

— Можно ведь и по-другому спросить: зачем?

— Какая разница! — махнул рукой Шарапов.

— Разница существует, — усмехнулся я. — В «почему» есть момент законченности, вроде акта мести. А «зачем» — это только начало предстоящих событий.

— погоди философствовать. Лучше подумай как следует: тут есть над чем мозги поломать.

— Это уж точно. Но у меня бюллетень не закрыт, я еще болен.

— А тебе что, открывая бюллетень, мозги отключают? Я ведь тебе не работать, а думать пока велю!

— С вашего разрешения, товарищ генерал, я не хотел бы думать об этой истории...

Шарапов поднял очки на лоб, внимательно посмотрел на меня, медленно произнес:

— Не понял...

Я поерзал на стуле, потом собрался с духом:

— Ну как же не понимаете? Вы поручаете мне расследование по делу моего товарища...

— А ты что, знаешь Позднякова?

— Да нет, не знаю, сегодня первый раз его фамилию услышал. Но это не имеет значения: мы с ним все равно, так сказать, товарищи.

Генерал уселся поудобнее, сдвинул очки обратно на нос, прищурившись, внимательно посмотрел на меня:

— Говори, говори... Красиво излагаешь...

— А чего говорить? Вы же знаете, я никогда от дел не отказываюсь. Но там я жуликов на чистую воду вывожу, а тут мне надо будет устанавливать, не жулик ли мой коллега. И мне как-то не по себе...

Шарапов невыразительно, без интонации спросил:

— А отчего же тебе не по себе?

— Ну как отчего? Вы же знаете, что зелье это не только монаси приемлют! Скорее всего, выяснится, что Поздняков безо всякой отравы — по жаре-то такой — принял стопку-другую с пивцом и сомлел, а пистолет просто потерял. Позднякова — под суд, Тихонову — благодарность и репутацию соответствующую...

Шарапов покачал головой, благодушно сказал:

— Хороший ты человек, Тихонов. Во-первых, добрый: понимаешь, что со всяким в жизни может такое случиться. Во-вторых, порядочный: не хочешь своими руками товарища под суд отдавать. И конечно, бескорыстный: сам ты орден получил недавно, теперь другим хочешь дать отличиться. Ну а то, что Поздняков сейчас по уши в дерьме завяз, так ведь не ты его туда загнал. Ты вообще о нем раньше не слышал. Неясно только, сам он попал в дерьмо или его туда, не добив до смерти, бросили. Но это уж подробности. Стоит ли из-за этого трудиться, рисковать репутацией хорошего парня и верного товарища? Лучше пусть Поздняков сам урок извлечет, на стадион больше не ходит...

— Вас послушать, так это меня надо под суд отдать.

— Под суд я тебя не стал бы отдавать, поскольку и мне пришлось бы сесть на скамейку рядом. Потому что и я грешен, обо всем таком думал, о чем ты мне тут застенчиво ле-

петал. И должен тебе сказать, что мыслишки у нас с тобой весьма поганенькие...

— Почему?

— Потому что, если бы ты знал, что Поздняков говорит правду, ты бы с удовольствием занялся этим делом. А боишься ты, что Поздняков врет!

— Допустим.

— Тут и допускать нечего — все ясно. Боишься ты обматраться в этой истории и предпочел бы, чтобы это на мою долю досталось. Кадровики как-нибудь разберутся, я приму решение, а ты Позднякова раньше не знал и впредь не узнаешь... Правильно я говорю?

— Ну, вроде...

— Вот-вот. Только не учитываешь ты, что и я больше всего боюсь: Поздняков мог правды не сказать и начал выпутываться с помощью этой легенды; и оставить для себя хоть тень сомнения в подобном деле я не могу...

— А пролить свет на эту тень должен я?

— Да. Если Поздняков лжет, нам это надо знать, потому что его пребывание среди нас делается опасным. Ведь тогда он сам становится потенциальным преступником. Но если его история — правда, то мне это тем более надо знать наверняка: значит, мы имеем дело с исключительно дерзким негодяем, которого надо поскорее вытащить за ушко да на солнышко. Все ясно как день. Понял?

— Чего уж не понять. Почему только именно я должен?..

— Объяснять — долго получится. Так надо. Действуй!

«Инспекция по личному составу
Главного управления внутренних дел.

Протокол объяснения

по материалам о происшествии с участковым инспектором Поздняковым А. Ф. 19 сентября 197 года.

Гр-ка Желонкина Анна Васильевна, анкетные данные в деле имеются.

По существу заданных мне вопросов могу заявить следующее.

Поздняков Андрей Филиппович — мой муж. Мы состоим в зарегистрированном браке, от которого имеем дочь Дарью, двадцати лет. Взаимоотношения в семье нормальные. Алкоголем мой муж, Поздняков А. Ф., насколько мне известно, не злоупотребляет. Ничего о служебной деятельности мужа я не знаю, в быту он ведет себя нормально. О происшествии на стадионе мне известно со слов мужа, и добавить к сказанному им я ничего не могу. Никаких предположений о причинах происшедшего не имею.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Желонкина А. В.»

Я открыл личное дело инспектора Позднякова и взмахом картонной обложки будто отгородился от неприятного ощущения соглядатайства, которое мучило с того момента, как мое участие в расследовании было решено. Объяснить это чувство постороннему человеку вразумительными словами, понятно и четко я никогда не смог бы. А своим, тем, с кем я годами встречался в МУРе, в райотделах или отделениях милиции, ничего и объяснять не понадобилось бы, поскольку связаны мы пожизненно железной присягой товарищества, которое является для нас условием, профессиональной необходимостью нашей работы. Люди, которых я называю своими, очень разные — хорошие и неважные, щедрые и жадные, стоворчивые и склочные, умные и бестолковые. Но вместе с ними приходилось сидеть в засадах, брать вооруженных преступников, добывать из тайниковклады жуликов ценностью больше зарплаты милиционера за весь срок его службы, а также необходимо было годами коротать обыденную тягомотину — дежурить, выезжать на происшествия, приходилось обращаться друг к другу, даже не будучи знакомыми, за тысячью важных служебных мелочей, и все это было бы невозможно без очень глубокого, порой даже неосознанного ощущения причастности к клану

людей, уполномоченных всем обществом защищать его от нечестности во всех ее формах, и это товарищество стояло и стоять будет на вере в безусловную честность каждого его участника.

Потому и было мне как-то муторно читать личное дело Позднякова, что вот эта самая вера в честность да и особый характер милицейской работы освобождают нас от необходимости говорить о себе или о своих делах больше, чем хотелось бы; хочешь — говори, не хочешь — никто тебе вопросов задавать не станет.

А сейчас от желания Позднякова ничего не зависело. Его не спрашивали, хочет ли он поделиться со мною подробностями своей биографии, а просто взяли его личное дело и дали капитану Тихонову для подробного ознакомления. И несокрушимой веры в честность Позднякова больше не существовало. Я должен был полностью восстановить эту веру, которая в отвлеченных ситуациях называется красиво — честью. Или превратить ее в прах.

Непосредственный начальник Позднякова Виталий Чигаренков оказался старым моим знакомым: десять лет назад мы вместе проходили учебные сборы в «милицейской академии», как называлась тогда школа подготовки в Ивантеевке. Десять долгих лет проработали мы в одной организации, но так велик город и столь хлопотные дела нас крутили все время, что увидеться нам ни разу не довелось.

И сейчас мне приятно было взглянуть на него, потому что годы словно обежали его стороной — внешне Чигаренков изменился совсем мало, разве что заматерел немного да на плечах вместо лейтенантских поблескивали новенькие майорские погоны, и я слегка позавидовал ему — и молодости, и служебным успехам.

Начинал он тоже сыщиком, но потом перешел в наружную службу. Кто-то рассказывал мне, что с розыском у него не клеилось из-за детской доверчивости и твердого представления, что все на свете должно происходить по порядку и по правилам.

Еще в первые дни работы его обмишулил вороватый мальчишка, подозреваемый в грабеже. Чигаренков предъявил на допросе воришке краденые часы «Победа», изъятые у его напарника. Парень сказал, что надо подумать. Поскольку крепких улик не было, отпустили его домой. На другой день он явился с паспортом на эти самые часы и гордо заявил, что они — его собственные: марка и номер сходятся. Потом уже выяснилось, что, когда Чигаренков отошел к телефону на соседнем столе, этот стервец успел подменить «Победу» со своей руки краденной.

Работал с тех пор Чигаренков в службе, но работой своей, похоже, был недоволен. Вспомнив несколько эпизодов из совместной нашей ивантеевской жизни, Чигаренков сказал грустно:

— Вашему брату сыщику хорошо — работа интересная, лихая и к тому же самостоятельная...

Я удивился:

— А чем твоя не самостоятельная? Ты же начальник!

— Я не про то, — сказал с досадой Чигаренков. — Вся моя самостоятельность уместается на одной странице инструкции об организации постовой и патрульной службы на подведомственной территории.

— Ну и что? Я помню, у тебя там записано, что ты не только можешь, но и «обязан проявлять творчество», разумную инициативу и... как это — во! — «развивать подобные качества у подчиненных».

— Обязан. — Чигаренков склонил голову с ровным, по ниточке, пробором. — Я много чего могу и обязан. Например, непрерывно управлять несущими службу нарядами, осуществлять необходимые маневры на участках с напряженной обстановкой, распоряжаться транспортом, контактировать с народными дружинами и так далее.

— Но ведь это совсем немало и по-своему интересно, — сказал я. — И опять же руководящий состав...

— Так кто бы спорил! Интересно! — Чигаренков встал, прошелся по кабинету и сказал неожиданно: — Но я ведь сыщиком быть собирался. Понимаешь?

— Хм, отсюда, из твоего кабинета, это выглядит довольно заманчиво. Побегай вот с мое, — сказал я. — Что же ты сыщиком не стал?

Чигаренков смущенно помялся:

— Я ведь сначала в розыске работал. Но то ли не повезло, то ли, как говорится, «не обнаружил данных». Знаешь, как это бывает?..

— Не совсем, — неуверенно пробормотал я.

— Эх, не повезло мне. Я вот помню случай — бани у меня были на участке, женские. Одно время заворовали их совсем — то вещи, то ценности из карманов; тащат не приведи бог. Я разработал план, всех причастных по этому плану проверяю. Сотни две женщин допросил — ничего! Является тут одна курносая, щечки розовые, вся такой приятной наружности — дворник, в Москве года два, сама из деревни. Я, конечно, хоть и со скукой, но допрашиваю, потому что план есть план и его надо выполнять. А за соседним столом работал Федя Сударушкин, его ввиду пенсионного возраста на злостных алиментчиков перебросили. И вдруг поднимает он голову и ни с того ни с сего: «Гражданочка, выйдите-ка в коридор на минуту!» Курносая выходит, значит, я — ему: «Ты что, Федя, с ума сошел? С какой стати ты ее услали?» А он говорит: «Голову мне оторви, коли не она в банях шурует!» В общем, долго рассказывать не буду, только оказался Федя прав — она! Я потом все у него допытывался: откуда узнал? А Федя клянется чистосердечно: «Да не знал я, истинный крест, не знал! Вот почувствовал я ее сразу, нюх у меня на воров есть». Конечно, нюх появится, когда тридцать лет отработаешь, а я три месяца...

Чигаренков расхаживал по кабинету, поскрипывая сверкающими сапогами, поблескивая всеми своими начищенными пуговицами, значками, медалями, и на свежем, молодом лице его плавало недоумение.

— Я ведь не спорю — проколы были. Так ведь опыту не хватало, а работать-то я хотел! Дни и ночи в отделении торчал. Только никто на это внимания не обратил, а наоборот, вызвал меня как-то зам по розыску. Ехидный мужик был —

ужас, ну и давай с меня стружку снимать, да все с подковырочкой... — Давняя обида полыхнула ярким румянцем на лице Чигаренкова, подсушила полные губы, сузила зеленые глаза. — Я психанул, конечно...

— Это ты напрасно, — заметил я. — Надо было все объяснить толком, просить в настоящем деле тебя попробовать.

— То-то и оно, — уныло согласился Чигаренков. — А я, вгорячах-то, раз так, говорю, перейду в наружную службу, меня давно зазывают и квартиру обещали...

Слушал я его и совсем ему не сочувствовал, потому что со стороны-то мне было виднее, как точно, как правильно и хорошо сидит на своем месте Чигаренков — именно на своем. Мы разговаривали, а на столе звонили телефоны, в кабинет входили сотрудники Чигаренкова, и он отдавал им ясные, четкие распоряжения, логичные и, наверное, правильные, потому что воспринимались они на лету, как это бывает в надежно и прочно сработавшемся коллективе. По репликам, дружелюбным и уважительным, я видел, что он здесь в полнейшем авторитете. И с неожиданной грустью я подумал о несовершенстве механизма человеческого самопонимания, при котором виртуозы-бухгалтеры втайне грустят о несостоявшихся судьбах отважных мореходов, гениальные портные жалеют об утраченных возможностях стать журналистами, а видные врачи-кардиологи считают, что их талант по-настоящему мог расцвести только на театральных подмостках, — профессьон манке, как говорят французы, пренебрежение призванием.

В словах Чигаренкова мне отчетливо была слышна обида на то, что жулики его обманывали. Так ведь на то они и жулики, прямодушных и чистосердечных жуликов не бывает. А он никак не мог согласиться с тем, что поступки людей иногда противоречат логике, а мотивы их не стандартны. Он хотел, чтобы все происходило по правилам, по закону, по порядку, и невдомек ему было, что сыщик как раз там и обнаруживает свое призвание, где происходят беззаконие, беспорядок, нарушение правил...

— Я говорю заму по розыску: обратите внимание на ребят из дома семь — безобразничают! А он говорит: пусть гуляют, пусть радиолы на весь дом крутят. Пусть, говорит, цветы на клумбах топчут. Лишь бы не воровали! Вот тебе узковедомственный подход, «психология». Я этого не понимаю...

«Поэтому он — зам по розыску, а ты — по службе», — подумал я и сказал:

— Вам надо объединить воспитательные усилия. Я, знаешь, прочитал недавно в журнале: «Стратегическая цель воспитания — формирование счастливого человека».

— А я не отказываюсь, — миролюбиво сказал Чигаренков. — Я и так всех воспитываю. Отдельных граждан с обслуживаемой территории. Анку, дочку свою. Супругу исключаю — она сама кого хочешь воспитает, финансист она у меня.

По тону слов о супруге я догадался, что эта тема может нас завести далеко. Поэтому я спросил торопливо:

— А с подчиненными как?

Чигаренков подошел к шкафу, достал толстую тетрадь в клеенчатом переплете и отрапортовал:

— Первейшая моя обязанность. Я должен знать и воспитывать личный состав в духе строгого соблюдения законности, высокой дисциплины и добросовестного выполнения служебного долга!

Я улыбнулся:

— И что, получается?

— Конечно получается, — без тени сомнения сказал Чигаренков. — Я тут по совету одного знаменитого педагога — фамилию, жалко, забыл — на своих людей психологические характеристики для себя составляю. Ну для памяти, в порядке индивидуального подхода, одним словом. Глянь. — И он протянул мне тетрадь.

Я с интересом полистал тетрадь, заполненную каллиграфическим, неторопливым почерком, удивительно верно

представлявшим прямоту, аккуратность и отсутствие колебаний у хозяина.

«Участковый инспектор Выборнов. Добр, но вспльчив, имеет слабость жениться. Честен до мелочи.»

«Уч. инспектор Снетков. По характеру холоден и надмен. Не пьет. Обещания выполняет...»

«Уч. инспектор Маркин. Любезен, вежлив. Живчик. Двигается быстро, а взгляд косой (???)»

«Участковый инспектор Ротшильд. Холостой. С завода по путевке. Компанейский парень. Весельчак. Прозван „Валля-девчатник“ ...»

«Командир взвода Форманюк. Скромн, тих, неразговорчив. Разводит птиц...»

«Уч. инспектор Поздняков. Старослужащий. Исполнитель. По характеру суров, требователен. Нет чувства юмора...»

Я положил тетрадь на стол, подождал, пока Чигаренков отпустит очередного посетителя.

— Капитально задумано. Молодец.

Чигаренков довольно заулыбался.

— Да, кстати, о Позднякове. Перебои у него, значит, с юмором?

— Перебои, — подтвердил Чигаренков. — Тут однажды Ротшильд пошутил насчет его внешности, так он с ним полгода не разговаривал. Не говоря уж об анекдотах — все отделение животики может надорвать, а Поздняков и не улыбнется.

— А зачем тебе, собственно говоря, его чувство юмора? Он ведь у тебя на другой, кажись, должности?

— А как же? — удивился Чигаренков. — Я как руководитель должен это его качество учитывать. А то поговоришь с ним «с подковырочкой», как со мной Длиннов Василий Васильевич когда-то, — и хорошего сотрудника лишишься!

— Значит, сотрудник он хороший?

— Хороший — не то слово. Я на его участок год могу не заглядывать.

— Так-так. Чем же тогда ты можешь объяснить эту историю с ним? Странно как-то получается.

Чигаренков задумался. Потом, приглаживая рукой и без того гладкие волосы на проборе, сказал:

— Странно, когда не знаешь, что произошло на самом деле. Понимаешь, Стас, он ведь, конечно, не ангел, Поздняков. В смысле — нормальный мужик и, наверно, имеет право в свободное время принять маленько. Но чтобы вот так, до бесчувствия... — Лицо Виталия перекосила брезгливая гримаса. — Нет, не похоже это на него. Ты не подумай только, что я своего под защиту беру. Если бы я узнал, что он на самом деле так набрался, то своей властью шкуру с него спустил бы. Так что ты разберись по справедливости...

Я смотрел на его строгое лицо с твердым, волевым подбородком, поджатыми губами, удивительным образом выражавшее вместо строгости и твердости мягкость и доброту, и думал, что, наверно, зря я столь ожесточенно отбрыкивался от предложения генерала, раз старослужащий Поздняков, мужик суровый и без чувства юмора, так нуждается в моей справедливости.

ГЛАВА 2

Разве мир стал хуже?..

Капитан Поздняков лицом был похож на старого матерого кабана, и я снова подумал о том, что участковый — человек малосимпатичный. Несколько лет назад приятели взяли меня на охоту, и мне болезненно-остро запомнилась здоровенная голова подстреленного кабана — вытянутое, обрубленное пяточком рыло, прищуренные красноватые веки с длинными белыми ресницами, под которыми плавали мутные зрачки, расширенные последней страшной болью, все еще угрожающий, но уже бессильный желтый оскал.

— Андрей Филиппыч, у вас враги есть? — спросил я.

— Наверное, — дрогнули белобрысые ресницы. — За десять лет службы на одном участке и друзья и враги появляются: народу, считайте, тысяч двенадцать живет.

— Можем мы с вами наметить круг таких недоброжелателей?

— А как его наметишь, круг этот? Оно ведь только у плохого участкового два недоброжелателя — жена да теща! А мне за все годы со многими ссориться пришлось — и самогонщиков ловил, и хулиганам укорот давал, и тунеядцев выселял, бежавших домой с отсидки за ворот брал, за собак беспризорных штрафовал, к скандалистам на работу жаловался, пьяниц со дворов да из подъездов гонял, родителей плохих в милицию и в исполком таскал. И воры попадались, и в обысках участвовал. Вот и выходит...

Поздняков замолчал, обиженно и горестно двигая широким ноздрястым носом, росшим, казалось, прямо из верхней толстой губы.

— Что выходит? — спросил я.

— Да вот как-то раньше никогда мне это в голову не приходило, а сейчас все время об этом думаю. Живет несколько тысяч хороших людей на моем участке, и, по существу, никто из них и знать меня не знает, потому что нам и сталкиваться не приходится. А случилась сейчас со мной беда и надо бы слово обо мне доброе сказать, так выходит, что, кроме всякой швали, никто и не знает меня. А от швали мне слова хорошего не дождаться.

Я покачал головой:

— Это не страшно. Если хорошие люди вас не знают, значит нормально службу несете, не даете их плохим в обиду. Ну ладно, оставим это. Объясните мне, пожалуйста, почему вы на стадион взяли с собой пистолет — вы же были не на работе и без формы? Инструкцию знаете?

— Знаю, — сумрачно сказал Поздняков. — Службу закончил — оружие сдай!..

— Ну и что же вы?..

— В том и вина моя единственная... — горько сказал Поздняков. — Вы меня поймите только, я не оправдываюсь,

просто объяснить хочу: с войны у меня к оружию привычка, и на службе осталась. Кроме того, я ведь и проживаю на своем участке, так что никакого времени дежурства у меня нет. В ночь-заполночь, что бы ни стряслось, бегут ко мне: давай, Филиппыч, выручай. А дела бывают самые разные: я вон трех вооруженных преступников в неслужебное время задержал...

— Значит, можно предположить, что многие знали о пистолете, который вы носите всегда при себе?

— Конечно! — Участковый удивленно поднял на меня круглые рыжеватые глаза. — Я ведь представитель власти, и все должны знать, что у меня сила.

Я про себя ухмыльнулся: у меня были другие представления о силе власти, но ничего Позднякову говорить не стал.

— Чаю хотите? — спросил Поздняков.

— Спасибо, с удовольствием. — Чаю мне не хотелось, но я подумал, что за чашкой чаю наш разговор станет менее мучительно-официальным.

Поздняков встал с дивана, на котором сидел все время неестественно неподвижно, выпрямив длинную сухую спину старого служивого, только на пятом десятке перешедшего из старшин в офицеры и сохранившего от этого почтительную опаску перед всяким молодым начальством. Он шарил ногой под диваном, нащупывая тапочки, не нашел их и, видимо, счел неудобным при мне ползать на коленях по полу: махнул рукой и пошел на кухню в одних носках. На пятке левого носка светилась дырка — небольшая, с двухкопеечную монету. Поздняков на кухне гремел чайником, туго звякнула о дно вода из крана, спички скреблись о коробок, шипели, не зажигаясь, и участковый негромко чертыхался. А я осматривался.

Из личного дела Позднякова я знал, что он женат, имеет дочь двадцати лет, студентку. Жена, Анна Васильевна, на одиннадцать лет моложе Позднякова, старший научный сотрудник Института органического синтеза, кандидат химических наук. Образование Позднякова — семь классов до

войны, после войны — школа милиции. И тут было над чем подумать, даже не потому, что я не мог представить хотя бы умозрительно какой-то естественной гармонии в этой не очень обычной семье, а потому, что порядок в комнате Позднякова не был наведен заботливой рукой хозяйки, а отшлифован твердой привычкой к казарменной аккуратности и неистребимой сержантской потребностью в чистоте. И маленькая, с двухкопеечную монету, дырка на носке.

Поздняков принес два стакана в металлических подстаканниках, сахарницу. Чайник он поставил на железную решетку, снял крышку и угнездил сверху заварной чайничек. Немного посидели молча, потом Поздняков спросил:

— Вам покрепче?

Я кивнул, и Поздняков налил мне светлого, почти прозрачного чаю. Мне стало интересно, каким же должен быть у Позднякова слабый чай, и сразу же получил ответ: в свой стакан участковый заварки вообще не налил.

— Берите сахар, — придвинул он мне сахарницу.

— Спасибо, я пью всегда без сахара.

Поздняков ложечкой достал два куска, положил их на блюдце и стал пить кипяток вприкуску. Желтыми длинными клыками он рассекал кусок сахара пополам, одну половинку возвращал на блюдце, а вторую загонял за щеку и не спеша посасывал с горячей водой. При этом щека надувалась, губы вытягивались, рыжевато-белая щетина лица становилась заметнее, и он еще больше напоминал кабана — тощего, сердитого и несчастного.

— Дисциплины люди не любят, оттого и происходят всякие неприятности, — сказал Поздняков задумчиво. — А ведь дисциплину исполнять проще, чем разгильдяйничать, порядки, законы человеческие нарушать. Все зло на свете от разгильдяйства, от расхристанности, оттого, что с детства не приучены некоторые граждане к дисциплине, к обязанностям в поведении — что сами по себе, что на людях.

— А жена ваша так же думает? — спросил я, и Поздняков вздрогнул, будто я неожиданно перегнулся через стол и ударил его под дых. От жары ли, от кипятка вприкуску

или от этого вопроса, но лицо Позднякова разом покрылось мелкими частыми капельками пота.

— Нет, наверное, не знаю, нет, скорее всего... — И больше ничего не сказал, а только начавшая завязываться беседа сразу увяла.

Я повременил немного и безразлично спросил, вроде бы между прочим:

— Вы с женой неважно живете?

Но это не получилось между прочим, и Поздняков тоже понял, что этот вопрос не между прочим и отвечать на него надо обстоятельно, потому что старший инспектор с Петровки к нему зашел не чаи распивать, а допрашивать. Как ни называй — беседа, разговор, опрос, выяснение обстоятельств, а смысл остается один — допрос.

— Да не то это слово — «неважно». Если правильно сказать, мы вроде бы и не живем давно...

— Как вас следует понимать?

— Ну как — проживаем мы в одной квартире, а семьи-то и нет. Давно.

— Сколько это — давно?

— Столько уж тянется, что и не сообразить сразу. Лет пять — семь. Здравokaемся вежливо и прощаемся, вот и вся семья. — И в голосе его не было строевой твердости, а только хинная горечь и усталость.

— Почему же вы развод не оформите?

— Ну разве тут объяснишь двумя словами?..

— Тогда не двумя словами, а поподробнее, — сказал я и заметил в глазах Позднякова сердитый проблеск досады и подавленной неприязни. И прежде чем он успел что-то сказать, я легонько постучал ладонью по столу: — И вот что: мы с вами уже говорили об этом, когда я только пришел. Хочу повторить: вы напрасно сердитесь на меня, я вам эти вопросы задаю не потому, что мне очень интересны ваши взаимоотношения с женой, а потому, что произошло событие из ряда вон выходящее и все, что имеет к этому мало-мальское отношение, надо выяснить...

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА. <i>Роман</i>	5
ГОРОД ПРИНЯЛ!.. <i>Повесть</i>	397

Вайнеры, Аркадий и Георгий

В 14 Лекарство против страха : роман, повесть / Аркадий и Георгий Вайнеры. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 576 с. — (Азбука Premium. Русская проза).

ISBN 978-5-389-20176-7

«Лекарство против страха» (1976) — один из самых известных романов братьев Вайнеров, который увидел свет в золотую пору творчества писателей и впоследствии был дважды экранизирован. Братья Вайнеры — непревзойденные мастера сложнейшей интриги и непредсказуемого сюжета, в основе которого лежат вечные вопросы: можно ли победить страх и несчастье — и вечные понятия: борьба за власть, рабство в плену страстей и денег, любовь, ненависть, зависть и — умение служить Добру. В этом романе авторы повторяют прием дублированного повествования, блестяще осуществленный в романе «Визит к Минотавру». Современный сюжет переплетается с историческим. Читателя завораживает история гениального целителя, врача-алхимика XVI века Парацельса. Основное повествование ведется от лица постоянного героя братьев Вайнеров — инспектора Тихонова. На этот раз преступление было совершено с помощью неизвестного в медицине препарата. В ходе расследования выясняется, что работу над ним ведут двое ученых и появление нового лекарства должно произвести настоящий переворот в науке...

В издание также вошла повесть «Город принял!..» (1978) — хроника одних суток работы оперативной группы Московского уголовного розыска. Часть эпизодов легла в основу одноименного фильма.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ ВАЙНЕРЫ

ЛЕКАРСТВО ПРОТИВ СТРАХА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Римма Тахтараква, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.09.2021. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 30,24.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AUP-28992-01-R